

САРА ХАРДИ

ЗАПЕРТЫЙ САД

INSPIRIA

Москва

УДК821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х20

Sarah Hardy
THE WALLED GARDEN

Copyright: © Sarah Hardy, 2023

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Lana Brow / Shutterstock.com

<<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com

<<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Перевод с английского
Виктора Сонькина и Александра Борисенко

Харди, Сара.

Х20 Запертый сад / Сара Харди ; [перевод с английского В. Сонькина, А. Борисенко]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-189250-0

Когда-то Стивен был добрым и мягким, но с войны вернулся ожесточенным и измученным тайнами, о которых его жена Элис могла лишь догадываться. Несмотря на свое одиночество и страх перед человеком, в которого превратился ее муж, Элис пытается заново собрать их брак по осколкам и спасти Окборн-Холл от окончательного краха. Начав с обнесенного стеной сада, она видит, как восходят ростки, зреют плоды и как в ее жизни зарождается новое светлое чувство.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Сонькин В., Борисенко А.,
перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-189250-0

*Тайны, безмолвно застывшие
в темных гертогах двух наших сердец:
тайны, уставшие тиранствовать...
История... это кошмар, от которого я
пытаюсь проснуться.*

ДЖЕЙМС ДЖОЙС. УЛИСС*

* Цит. по переводу В. Хинкиса, С. Хоружего.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Английское название *Walled Garden* трудно перевести, поскольку сад, обнесенный кирпичной стеной, не имеет специального названия на русском языке. А между тем это словосочетание не только обозначает вполне конкретный вид сада, но имеет богатые литературные ассоциации.

Мы даже думали назвать перевод как-то иначе, например «Первая весна» — именно так поступили наши немецкие коллеги. В Германии книга вышла с заглавием «Der erste Frühling danach» («Первая весна после»).

В конце концов мы решили сохранить в названии библейскую цитату, «Запертый сад», поскольку это центральная метафора романа, и попросили Сару Харди написать предисловие для русских читателей.

Рай, обретенный в английском саду

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА (специально для русского издания)

Маленькая деревянная дверца в трехметровой кирпичной стене выглядела так, словно ее не открывали много лет, — дерево рассохлось, краска облупилась. Я слегка толкнула ее, но петли совсем заржавели, пришлось поддать плечом. И она с трудом сдвинулась — достаточно, чтобы я могла проскользнуть внутрь.

Я преступила порог очарованного царства, заросшего сорными травами, высокой ворсянкой, колючими листьями маков. Побег вьюнка проволокой обвился вокруг едва живого клематиса, жимолость и виноградная лоза наперегонки старались задушить старую яблоню, смертельные на вид колючки высасывали соки из увядающего кустарника — борьба за существование в действии. Это были остатки огороженного сада в одном из старых фамильных имений графства Суффолк неподалеку от моего дома.

Открыв дверцу, я словно узнала тайну, древнюю, как сама история. Огороженные сады создавались, чтобы стать раем на земле. Если верить греческому историку Ксенофону, жившему в V–IV веках до нашей эры, их строили когда-то для персидских царей и они назывались *парадисами*, «полными всем красивым и хорошим из того, что может производить

земля». Это авестийское слово через греческий и латинский дало и английское *paradise*, «рай».

И вот я попадаю в рай буквально в нескольких метрах от собственного порога. В Британии таких садов тысячи, точная цифра неизвестна — их никто не считал. Их все чаще пытаются восстанавливать, но многие запертые сады до сих пор прячутся за высокими стенами, увитыми плющом, мох медленно разъедает цемент кладки, а они все ждут своего часа. Как вот этот сад, в который я вторглась.

Много лет назад несколько акров земли огородили, закрыли от ветра, поймали солнце в ловушку и стали выращивать фрукты и овощи для высокородных обитателей Большого дома — теперь его уже нет, его снесли в 1950-х годах. Тогда разрушали множество усадеб — их слишком дорого было содержать.

Несколько зданий бывшей усадьбы сохранилось, и в одном из них — построенном когда-то для работников, трудившихся в поместье, — живу теперь я. А про огороженный сад забыли, и теперь растения бьются там не на жизнь, а на смерть, и выживает сильнейший.

Но под ковром буйно разросшихся сорняков и колючего кустарника проступают контуры традиционного дизайна: симметричный рисунок, дорожки, разделяющие сад на четыре квадрата, декоративный пруд в самом центре; его стоячая вода — настоящий рай для мотыля. У дальней стены — покосившиеся теплицы с разбитыми окнами.

В жаркий летний день здесь гудят пчелы, ласточки пролетают в вышине, в нос ударяют дурманящие запахи, и вся природа кажется какой-то готической. Я могу только вообразить, что было здесь в прежние века: грядки салата и редиски, кусты клубники, высаженные рядами помидоры, побеги фасоли, обви-

вающие бамбуковые переплеты беседок. Фруктовые деревья — яблони, сливы, абрикос и инжир, процветавшие в этом микроклимате. И бесполезная красота, заполнявшая бесчисленные вазы Большого дома: пионы, дельфиниумы, душистый горошек.

Но все это в прошлом. Теперь здесь остались самые стойкие растения, пережившие засуху и мороз, забвение и войну. Однако именно эта атмосфера сада, давно не знавшего человеческих рук, напоминающая одновременно о вечном и преходящем, послужила мне вдохновением. Заброшенный сад стал центром моего романа. Его возрождение — метафора той борьбы за жизнь, которую вела после Второй мировой войны измученная, разрушенная страна, пытаясь отстроить себя заново.

Запертый сад символизирует еще и общество того времени, так не похожее на нынешнее, где мы охотно «делимся» своими чувствами. В 1946 году люди не стремились делиться пережитым, а солдатам, возвращавшимся с фронта, рекомендовали не болтать лишнего. Было принято держать свои секреты в себе, воздвигая непроницаемые стены между собой и внешним миром — так, чтобы никто не знал, какой ад скрывается внутри.

Конечно же, не мне первой пришло в голову использовать эту метафору. Тут уместно вспомнить Адама и Еву в раю (по крайней мере, поначалу) и, конечно, восторженную песнь влюбленного Соломона: «Запертый сад — сестра моя, невеста...» Запертый сад постоянно возникает в средневековом искусстве, в его стенах часто изображают Деву Марию. Чосер упоминает «роскошный сад с оградой каменной» в «Кентерберийских рассказах» — его надежные стены и нежная зелень должны охранять чистоту прекрасной девы, в которую влюблен галантный рыцарь.

Но Чосер не был бы Чосером, если бы не перевернул все вверх ногами, и огороженный сад из символа чистоты и неприступности становится в «Рассказе купца» прибежищем любовников — жены купца и дерзкого Дамиана.

Шекспир тоже любил тайные встречи в садах. Но он видел и другую сторону, и в исторической пьесе Ричард II сравнивает сад со страной:

*Зачем же нам внутри ограды этой,
На этом небольшом клочке земли
Поддерживать порядок, меру, стройность,
Когда наш огражденный морем сад,
Наш край родной зарос травой сорной,
Зачахли лучшие его цветы,
Плодовые деревья одичали,
Изъедены червями?**

В более недавние времена запертый сад стал встречаться в детской литературе: это и «Таинственный сад» Фрэнсис Ходжсон-Бернетт, и сказка Оскара Уайльда «Эгоистичный великан», где мальчик возвращает замерзший сад к жизни.

* Перевод М. А. Донского.

Пролог

Есть тайны, слишком страшные, чтобы ими делиться, и в Британии 1946-го о многом не говорили. То, что ты видел во время войны, на что согласился, чего все еще страшишься, оставалось невысказанным. В эти тяжкие годы горя и разлуки мы не давали воли чувствам, разве что напевали популярную песенку «Мы встретимся снова». Ну вот мы и встретились, думает Элис Рэйн, встретились и поняли, что нам нечего сказать друг другу.

Ветер с берега Северного моря хлещет ее по лицу; убирая волосы, упавшие на глаза, она оглядывается на соляные болота. На темнеющем небе алеют яркие дуги; еще минута — и солнце закатывается за горизонт.

Развернувшись, она подходит ближе к волнам, которые мерцают в сгустившихся сумерках. Военные только сегодня закончили убирать мины, утащили проржавевшие клубки колючей проволоки, сорвали знаки «БЕРЕГИСЬ!». Никто ничего не увидит и не узнает. Она так давно не чувствовала близости моря, не трогала языком соль, засохшую на губах. Не успев задуматься, она сбрасывает старое твидовое пальто, шерстяное платье, все остальное и, голая, вбегает в ледяные серые волны.

От соприкосновения с водой она вскрикивает и почти поворачивает назад. Хватая ртом воздух, заставляет себя зайти в воду по пояс и, закрыв глаза, подается вперед, под волну.

Она не чувствует ничего, кроме холода. Но, охлаждаясь, ее тело перестает бороться. Боль утихает, дыхание успокаивается. Нужно только слиться с волнами: лед ко льду. Она больше не замороженная, она непокоренная. Может остаться здесь навсегда. Может плыть дальше и дальше. Уплыть от всего.

Облака расходятся, сквозь щель пробивается бледный лунный свет, как будто на море накинута мерцающий шлейф свадебного платья. В ее воображении вспыхивает образ невесты без жениха.

Глава 1

Господи, только бы никто не увидел, подумала Элис, скользя по гальке заиндевевшими ногами. Она схватила одежду, попыталась вытереться, потом оделась, выбралась на дамбу, пересекла ее и продолжила свой путь по засаженным свеклой полям.

В полосе насаждений на голых угловатых ветвях распускались первые бутоны. Ей очень хотелось согреться, но побыть рядом с этими цветами тоже хотелось. Лишь бы не возвращаться домой.

Но она и так уже бродила больше трех часов, задерживаться дольше было невозможно. И она повернула назад — тропинка вдоль дамбы вела к Оукборн-Холлу. Уходя, она сказала мужу: «Пойду немного пройду. Пойдешь со мной?» Он не ответил. Она и не ждала ответа.

Элис остановилась и взглянула вверх. Она услышала гусей задолго до того, как смогла их увидеть. Вскоре сотни птиц стального серого цвета заполнили небо. Их клины двигались на север, яснее прочего показывая, что зима закончилась. И на мгновение ей стало чуть легче: наступает первая мирная весна за семь лет.

Предчувствия чего-то по-весеннему нежного окружали ее уже целую неделю: золотистые весенники

вокруг заброшенных хижин Ниссена*, нарциссы, королек, вьющий гнездо в плюще за окном ее спальни. Огромной спальни, строго сказала она себе, продолжая путь, а ведь у миллионов людей не осталось вообще ничего. Когда она читала газеты, ей казалось, что вся Европа по-прежнему находится в движении — изможденные люди бредут бесконечной чередой, с детьми на руках, толкают перед собой коляски и перегруженные тележки, убегают бог знает от каких еще ужасов и кровопролитий.

А ей повезло — ведь она живет в «Большом доме», как его здесь называют. Не важно, что Военное министерство реквизировало его и расквартировало там канадский батальон, не важно, что он теперь весь разваливается. «Везет же некоторым», — она слышала, как жена мясника пробурчала это в церкви, когда увидела, что Стивен, ее муж, вернулся целым и невредимым. Из всех жителей деревни он вернулся самым последним; откуда — не говорил, что делал — тем более. Но он вернулся живым.

«И ты тоже жива», — сказала себе Элис, выпрямилась и двинулась дальше, мимо пней, которые когда-то были стволами столетних каштанов. Их срубили в начале войны, чтобы сделать... что? Приклады? Гробы? Что толку об этом думать. Теперь деревья можно посадить снова.

Наступил мир.

Мы победили.

* *Хижинны Ниссена* — временные сборные строения полукруглой формы, которые использовались для самых разных нужд: в них размещали бараки, склады и даже иногда церкви. Их придумал в 1916 году британский военный инженер Питер Норман Ниссен, их активно использовали во время Первой мировой и стали снова производить, когда началась Вторая мировая. Кое-где они сохранились до сих пор, в том числе в Суффолке.

Мы правда победили.

Но ее по-прежнему сковывал холод — еще пронзительнее, чем на берегу моря. Как будто никакой победы не было, как будто все эти песенки про «любовь и пир и вечный мир» так же далеки, как дальний конец радуги. Она вспоминала День победы — вот уже почти год назад; вспоминала, как весь народ вывалили на улицы, как все танцевали, словно безумные, будто они сидели в клетках и наконец-то им позволили на целый день обрести свободу, чтобы потом, когда эйфория выдохнется, загнать обратно в клетки, во всепоглощающую серую тьму.

Но сейчас — время возрождения.

Вокруг, в полях, ягнята настойчиво толкали лбами матерей, требуя молока, острые пшеничные колоски пробивались сквозь слежавшуюся землю, вороны сцеплялись друг с другом в жестокой схватке за место под солнцем. Она обогнула бетонное жерло вентиляционной шахты, захваченное болиголовом.

Обмороженные ноги ныли. Ей нет еще тридцати, а ступни уже изуродованные, руки и того хуже. На огрубевшей раздраженной коже взбухают вены, помолвочное кольцо — полоска крупных бриллиантов, — которое в семействе Стивена передавали из поколения в поколение уже двести лет, едва держится на пальце.

Она снова остановилась. Ей все чаще становилось не по себе — не от того ужаса, который все совсем недавно гнали от себя, а от новой опасности, которую она представляла неясно или слишком боялась представить.

Она засунула руки в карманы и двинулась дальше, опустив голову. Синий «Ровер» местного доктора подъехал к дому, где миссис Мартин должна была вот-вот разродиться третьим ребенком. Дитя побе-